

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Гиблое
место

АСТ

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Гиблое место

«Научная книга»

Серова М. С.

Гиблое место / М. С. Серова — «Научная книга», — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Гадальные кости предвещали Татьяне Ивановой в новом расследовании, что она пострадает от руки злоумышленника. Однако знаменитая сыщица не придала предостережению особого значения. В городе пропало несколько молодых людей, но исчезновение еще не убийство... И лишь когда Татьяна сама очутилась в «концлагере» для похищенных, она осознала, что находится в настоящей западне. Выбраться из которой почти невозможно...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марина Серова

Гиблое место

Глава 1

Если вы верите в дурацкие приметы, то смею вас заверить, что есть среди них одна самая ужасная, хуже всяких черных кошек. Хуже беспечной женщины, только что купившей ведро и не догадавшейся его наполнить.

Я этой приметы старательно избегаю уже долгое время, с тех пор, как...

Но перейдем к ней самой, к примете. Имеет она, кстати, довольно сногшибательный вид. Ноги, которые растут от ушей, широко распахнутые глазищи, обрамленные черными ресницами, такими длинными, что среди моих знакомых не находилось человека, не мечтающего хотя бы немного побыть в обществе этого ангельского создания. Вот только последствия...

И не извиняли Ритку Шатохину ни ее невинные глаза, ни прелестный вздернутый нос, ни шикарная фигурка.

Сначала вы автоматически попадаете под влияние ее очарования. Она запускает в вас щупальца самых пылких чувств, а потом...

Потом вы исчезаете. Куда – одному богу известно. Или Сатане. Но только не несчастной Ритке.

Так как проклятие распространялось доселе только на мужчин, я с Риткой общалась спокойно. Долгое время мы были близкими подругами, пока у Ритки не началось, короче, пока у нее крыша не поехала и она не стала самой кошмарной занудой, какую только можно себе представить. Зануды для меня – хуже пистолета, я просто бегу от них. Хотя это и нехорошо – не по-христиански, но ежели человек постоянно жалуется на жизнь, у меня начинают болеть зубы. А уж зубную-то боль я не переносу совершенно.

Короче, до сегодняшнего дня я Ритку избегала. Избегать ее было довольно легко – она и сама чувствовала себя не в своей тарелке, находясь рядом с более счастливым человеком.

Но у нее было своеобразное чутье, позволяющее ей уловить, когда у ее знакомых что-то не ладилось в личной жизни. Вот тогда Ритка неизменно появлялась на горизонте.

И тогда – молитесь, люди! «Титаник» дал трещину!

Или – спасите наши души! Ритка приближается...

А значит – готовьтесь к еще большим неприятностям...

* * *

Изображая из себя разъяренное торнадо, я вылетела из машины, хлопнув дверью так, что стоящие у подъезда дамы вздрогнули и уставились на меня в благоговейном ужасе: «Что еще выкинет эта ужасная Таня?» Сдержав себя, я буркнула им «доброе утро» и взлетела по ступенькам вверх.

Дверь рисковала остаться в моих руках, поскольку хлопнула я ею с яростью подстреленного бизона.

Следующей жертвой моего плохого настроения стала большая сахарница. Я мрачно подняла ее, повертела в руках, и, убедившись, что сахара там почти нет, шваркнула об пол, проведив сквозь зубы:

– Тварь безмозглая...

После этого я вроде бы начала приходить в себя.

То есть, погасив приступ бешенства, я перешла к состоянию холодной ярости; следующим этапом должно было стать «рассудительное спокойствие».

Бросив взгляд в зеркало, я увидела, что во мне ничто не изменилось – я все еще красива, и нечего было врать мне, что я подурнела. Впрочем, конечно, если получше присмотреться – то, может, эта самая «безмозглая тварь» и была в чем-то права, но уж посмотрела бы на себя... Корова.

Телефон решил порадовать меня своим настойчивым призывом.

Я подняла трубку и услышала его голос. Его. Я мрачно усмехнулась. Ну, каков нахал, а? Он еще и звонит...

– Таня... Танечка. Танюшечка!

Еще слово, и я вернусь, чтобы сделать из тебя отбивную, мысленно пообещала я. «Танюшечка» тебе устроит, милый, такую жаркую ночь в Бразилии, что ты задохнешься от чрезмерного тепла...

– Ну что ты так разозлилась?

– Вы не туда попали, – процедила я сквозь зубы. – Это не квартира. Это штаб-квартира местного отделения партии феминисток.

Он засмеялся. Ах, какой обаятельный был у него смех... Снисходительный, снобистский, услышишь – и тут же чувствуешь себя недоразвитым ребенком.

– Тань, хватит, а?

– Пошел ты, – без выдумки ответила я, чувствуя, что если не повешу трубку, то снова на арене появится дикая волчица.

Что я и сделала – аккуратно повесила трубку и уставилась в потолок, не реагируя на тщетные попытки воззвать к моей рассудительности и взрослости.

Кофе приводил меня в чувство, я смотрела телевизор, краем глаза отмечая, что Андреа дель Бока совершенно не в моем вкусе, да и фильм дурацкий, хотя и получше «Дикой Марии». На звонки я не отвечала принципиально, и постепенно мои нервы стали приходить в норму, и возможность появления стаи оборотней отходила понемногу в туманную даль.

От нечего делать я кинула «кости» и получила неутешительный результат:

«14+25+10».

«Неверность любимого человека вызовет грядущие жизненные осложнения».

Сейчас, пообещала я «костям», убирая их в кисет. И не надейтесь. Во-первых, неверный человек автоматически выбывает из числа любимых. Бай-бай, беби, плыви по воздуху со своей новой Амантой... Если тебе вдруг стали нравиться женщины с огромной грудью и малым количеством мозгов, я постараюсь не мешать твоему счастью.

Воспоминания о девице со странным именем Ленок показались мне теперь забавными. Я фыркнула, представив себе ее в амазонке, с тросточкой и, бог мой! – с таким высокомерным уничтожающим взглядом:

– Вы меня помните, Таня? А я вас помню хорошо... Как вы были хороши когда-то... Что с вами случилось? Почему вы подурнели?

Ах, я подурнела?

Интересно... Я опять уставилась в зеркало и нашла, что я куда красивее этой их любимой Андреа дель Бока, а она вон в ус не дует, снимается в кино. Да и как же я раньше была хороша, если сейчас, как выясняется, «подурнела»?

Так что никаких осложнений, милашки, пообещала я. Не грядут они – и не надейтесь... Буду, как и прежде, порхать по жизни, подобно легкокрылому эльфу, собирающему капельки мальвазии с цветов вереска...

Кстати, почему мальвазии, а не портера?

Ладно, мысли лезли в голову уже более-менее нормальные, я пришла в себя, телефон надрывался, зывая к моей совести.

– Обойдешься, сегодня у меня нет совести, – поведала я ему и поднялась, чтобы выдернуть шнур.

Когда я нагнулась, дабы сделать именно это, трубка упала, и я услышала женский голос: – Таня? Таня, ответь, пожалуйста!

Вот тут я и прокололась с грядущими осложнениями. Решив, что это не мой неверный гаденыш, а простая и милая дама, нуждающаяся в помощи, я подняла эту пакостную трубку и остолбенела.

Положить ее уже было нельзя, к сожалению.

– Таня, это Рита Шатохина. Ты меня помнишь?

Еще бы не помнить, подумала я, кто же может тебя забыть?!

Теперь было уже поздно что-либо менять. Кирпич свалился прямо на мою несчастную голову. Не зря говорят, что беда одна никогда не прогуливается. Только в компании с несчастьем...

* * *

Если уж сегодня у меня проблемы косяком, то их прямым продолжением будет Ритка.

– Да, конечно, – с обреченностью мученицы отозвалась я. Голос мой отказывался подчиняться нормам вежливости, внушенным мне с детства: «Воспитанные люди, Танечка, улыбаются даже тогда, когда хочется выругаться».

– Я наткнулась на твой телефон и решила тебе позвонить, – радостным голосом сообщила Ритка.

«О, боже, – простонала я про себя. – Ну почему ты не мог сделать так, чтобы мой телефон пропал из анналов Риткиных записных книжек навеки? Почему ты был так жесток, что именно сегодня ей пришлось в голову позвонить мне?»

– Я рада, – кисло проговорила я. Интересно, что с ней случилось? Просто так звонить не в Риткиных правилах. На светлую радость общения со старыми друзьями ее могло подвигнуть только что-то апокалиптическое. Крайняя нужда во мне могла быть сопряжена со свежим трупом, найденным в ванне.

– Слушай, я очень хочу тебя видеть. Честное слово, Тань, я тебя всегда вспоминаю. Ты ведь, наверное, такая же красавица? Помню, ты была самой классной девчонкой в нашей компании...

Вот тут-то я и попалась! Всею душой пытаюсь сопротивляться, я тем не менее начала таять, как мороженое. Я растекалась и становилась мутной сладкой лужицей. Моя твердыня... Ах, черт, да что об этом говорить! Уж сколько раз твердили миру, что лезть... Мой разум еще пытался отчаянно вскрикивать: «Таня! Таня! Не покупайся на дешевые приколы!»

Но сердцу разум уже не был указателем верного пути. Мое сердце уже стремилось навстречу Ритке, и таким образом первая часть предсказания «костей» сбылась.

Если бы не эта крашенная идиотка, сообщившая мне, что я подурнела!

Я согласилась встретиться с Риткой и, приведя себя в порядок, рванула прямо навстречу обещанным мне «грядущим жизненным осложнениям».

* * *

Хотя, конечно, уже спустившись на несколько ступенек, я здраво поразмыслила и поняла: а ведь Ритка сказала мне комплимент вполне искренне. Ведь не видела она меня! И вполне возможно, что при встрече вздрогнет, закроет глаза ладонью и трагически простонет: «Боже, Таня! До чего же ты подурнела!» И тогда ничего меня не спасет. Я стану настолько несчастной, что...

Ладно. Когда это еще будет! Пока же я совсем себя таковой не чувствую. Несмотря на вражеские происки.

Напевая, я повернула ключ зажигания. Мотор зафырчал, и мы с моей четырехколесной подругой отправились в дальние странствия.

Потому как жила моя фатальная подруга в самом что ни на есть далеком районе с гордым названием Солнечный.

* * *

Конечно, если ты собрался посетить Ритку Шатохину, ты должен готовиться ко всевозможным неприятностям. Может быть, ее вообще в детстве проклинали, размышляла я, когда на перекрестке попала в кошмарную пробку.

Мимо нас проезжали люди в трамваях, явно ликующие и злорадствующие, а мы уныло стояли, лишь изредка продвигаясь черепашьями шажками по направлению к дяденькам в желтых жилетах, которым срочно потребовалось в час пик заняться ремонтом дороги.

Хорошо еще, что я не попала в аварию!

Отчетливо представив себе, как Шатохины-старшие решили не приглашать злую фею на Риткины крестины, и она, пробравшись хитростью, зловеще шепчет над светлокудрой Риткиной головой заклятия-проклятия, я фыркнула. Фея эта зловредная почему-то была как две капли похожа на тот самый перекрашенный «СД-ром», который сумел отравить мне последние мгновения. Такая же крашенная кикимора... Ну и вкус у тебя, друг мой! А я-то думала, что от общения с такой духовно развитой особой, как я, он начал изменяться к лучшему!

Рядом со мной примостился сиротливо «пежорожец», владелец которого смотрел вперед таким печальным взглядом, что и у жестокосердного сердце бы растаяло от глубины его страданий.

Я краешком глаза взглянула на его четкий профиль, и сердце мое забилося, как птица – ну и ресницы у парня! Он же, как бы поймав эманацию любви, взмахнул своими опахалами вокруг глаз, заставив мое сердце затрепетать. Это же какая несправедливость! Зачем ему такие глазищи! Вот кому никто не скажет, что он подурнел!

Впрочем, может, он и подурнел, тоскливо подумала я. И вообще вряд ли он выскочит ради тебя из своей старой развалины, Танечка. Тем более что ты у нас такая подурневшая...

Кажется, мы выкрутились, машины облегченно набирали скорость, оставляя позади бестолковых тружеников-ремонтников. Я вырулила прямоком на проспект Октября, оставив, к великому сожалению, мужчину своей мечты далеко позади. Он безнадежно отстал, но – увы, вряд ли был этим опечален.

Ну и ладно, подумала я, в конце концов, наверняка он не принес бы тебе счастья. Встретила-то ты его по дороге к Ритке Шатохиной. А это ничего хорошего не сулит...

* * *

Ритка жила не просто в этом богом забытом районе, непонятно почему именуемом Солнечным, а на самой его окраине. В принципе, когда она получила там квартиру, мы все умиляли от зависти. Потому что квартир без родителей у нас в ту пору не было, а добираться... Подумаешь! Доехать как-то можно. К утру из любого места доберешься... Так мы думали, когда первый раз я попала в Риткину квартиру.

Первое, что меня потрясло, – это абсолютная заброшенность и пустыньность. Я вышла из трамвая и остановилась. Времени было всего-то восемь вечера, а народу – никого.

Правда, квартира сама по себе замечательная. Модернизированная и светлая. Мы там совсем неплохо провели время... с пивом.

Сейчас, когда я вырулила прямо к Риткиному подъезду, я усмехнулась. Бог мой, какими же мы были тогда маленькими! А казались себе прожженными декадентками... На самом же деле обе мы были всего лишь «ананасиками», и даже не в шампанском, а в лимонаде «Бура-тино» отечественного розлива.

От воспоминаний мне стало тепло на сердце и немного грустно. Время, черт побери, умудряется бежать сквозь пальцы с такой быстротой, что не замечаешь, как на горизонте появляется двадцатилетний «СД-ром» с крашеными волосенками, и, несмотря на то что сей продукт акселерации и дурного вкуса выглядит лет на десять старше тебя, он бросает тебе в лицо, что ты «ужасно подурнела»!

Конечно, мне хватило ума не отвечать на гнусные инсинуации, но нервы у меня не стальные канаты.

Я нажала на кнопку звонка. Может, этих восьми лет вообще не было? Сейчас мне откроет дверь девятнадцатилетняя Ритка, похожая на немецкую куклу, и, похлопав длиннющими ресницами, пролепечет, радостно улыбаясь: «Танька!»

Я зажмурилась.

Шаги, направляющиеся к двери... Голос: «Сейчас, минуточку!» Скрип открываемой двери.

– Таня!

Я открыла глаза. Ритка смотрела на меня своими неподражаемыми глазищами, и ее губы, слегка приоткрытые в улыбке, шептали:

– Господи! Танечка!

Я с ужасом ждала продолжения.

– Да ты стала еще красивее! Разве это возможно, Таня! Ты и была-то самой хорошенькой, а сейчас... Рядом с тобой появляться страшно!

* * *

Кстати, Ритка тоже похорошела. Ее кукольное личико теперь стало более оформленным, и в глазах появилось то выражение тайного женского знания, которое раньше отсутствовало, терпеливо дожидаясь, когда Риткина наивность наконец-то даст ему шанс расцвести.

Мы прошли в комнату, где все было в Риткином стиле – отсутствие порядка всегда было ее отличительной чертой.

– Таня, я так рада, что мы с тобой все-таки увиделись!

Она, похоже, говорила вполне искренне. Я начала расслабляться.

– И что мы до сих пор живы, – поддела я ее. – Две старушки, с темным прошлым и богатым жизненным опытом.

Она рассмеялась и достала из холодильника две банки «Белого мишки».

– Боже мой, ты даже помнишь, что мы пили? – поразила я.

– Ну, если это помнишь ты, то почему бы этого не помнить мне?

– У меня профессиональная память.

Ритка подняла бокальчик и, подмигнув мне, проговорила:

– Прозит, моя малышка!

Я расхохоталась. Ну конечно... Тени прошлого встают перед нашими глазами...

– Ритка, я не смогу ответить как раньше!

– Нет, Танечка!

– Ну хорошо, – решила я и, придав своему лицу томность и великое знание жизни, назидательно изрекла: – Пусть наши пути будут свободными, как ветер, и пусть не коснутся наши ступни той дороги, по которой ходят эти идиоты!

Мы расхохотались.

– Кстати, об идиотах... Как у тебя с ними? – поинтересовалась я.

– Лучше ты, – вздохнула она.

– Я понимаю, что я лучше идиотов.

– Да нет, ты рассказывай.

– О них? – поморщилась я. – Я не буду о них говорить. Принципиально. У меня сейчас период острого мужененавистничества, которые нападают периодически – со страшной силой. Тогда я становлюсь опасной. Лучше не бреди мои раны. И вообще – я подозреваю, что ты меня вызвала не для того, чтобы обсуждать этих одноклеточных.

Она вздрогнула. Как-то задумчиво опустила глаза, пытаясь определить, стоит ли ей продолжать пить пиво или все же открыть мне страшную тайну своего интереса к моей персоне.

– Таня, ты ведь сейчас работаешь детективом? – спросила она меня почти шепотом.

– Сейчас я сижу с тобой и никем не работаю. А вообще-то да. Работаю.

– Ну вот... – многозначительно протянула она и опять замолчала. Если учесть, что молчание для Ритки было явлением экстраординарным – в основном она болтала без умолку, – то я могла предположить, что с Риткой в очередной раз произошел облом крупных масштабов.

– Ну и вот? – переспросила я.

– Я не знаю, как тебе это объяснить... Понимаешь, ситуация-то смешная. И вполне возможно, что это мои домыслы. Но у меня в душе поселился страх. Как будто Эдик не просто так пропал, а что-то с ним произошло. Мне даже сон снился. Я хожу по лабиринту, а Эдик лежит, связанный. А я его найти не могу.

– Подожди, – остановила я ее. – Кто у нас Эдик? И что с ним приключилось?

Ритка подняла на меня свои прекрасные очи, переполненные страданием, и прошептала:

– Эдик – это мой возлюбленный. И он пропал...

Глава 2

Я лично ничего в этом патологического не находила. У Ритки, насколько я помнила, вечно пропадали возлюбленные. Ну просто рок какой-то над ними висел. Как черный буре-вестник, взмахивала судьба крылами и уносила очередного Риткиного возлюбленного в неиз-вестном направлении, оставляя девушку в одиночестве и слезах. Каждый раз, когда сверша-лась такая трагедия, бедная Ритка хлопала глазами, честно страдала, но к услугам частных детективов никогда не прибегала, видимо, все-таки понимая, что тревожить серьезных людей такими мелкими пропажами, как возлюбленные, не стоит. Ну пропал и пропал. Как говаривал один мудрец, мужчины и трамваи не из тех необходимых вещей, за которыми стоит бегать, – ушел один, придет другой. Правда, что касается трамваев, я позволила бы себе не согласиться. Вполне возможно, что этот самый мудрец жил в какой-нибудь пустыне и слыхом о трамваях не слыхивал или сохранил смутные идиллические воспоминания, в которых розово-голубые трамваи ходили туда-сюда пустые, чистенькие и никогда не задерживались, скапливаясь в одном месте.

В общем, со временем я поняла, что трамваи и мужчины иногда появляются без обещан-ной стабильности. Но Риткино горе мне показалось немного преувеличенным, и я попробовала возразить ей робко, памятуя о «СД-ромах», постоянно разгуливающих перед носом у твоей почти законной собственности, смущая несчастного своим более чем вульгарным видом:

– Может быть, он просто уехал в командировку?

– В какую? – трагически простонала перевоплотившаяся в Федру Ритка. – У него в фирме нет командировок...

– Ну, хорошо. А «СД-ромы» в фирме есть? – поинтересовалась я, памятуя о неприятных свойствах одного ломаться, привлекая к себе все внимание субъекта, склонного пропадать.

– Не знаю, – честно задумалась Ритка, и осторожно спросила: – А при чем тут «СД-ромы»?

– Да ни при чем, – отмахнулась я. – Просто к слову. У меня вот недавно мой верный друг утонул в объятиях «СД-рома».

– Но ведь это такая штучка в компьютере, – робко возразила Ритка. – У нее нет объятий никаких...

– Я тоже так думала, – мрачно ответила я. – Оказалось, есть. Еще у них крашенные рыжие волосы, огромные покрашенные рты и отвратительная кожа, совершенно ужасная. Эти самые «СД-ромы» любят работать секретаршами и менеджерами – в общем, заниматься работой, не требующей больших мозговых затрат.

– Я сама работаю секретаршей, – скромно напомнила Ритка.

– Ой, прости... – опомнилась я, поняв, что переусердствовала с обвинительной речью. – Но ты честная секретарша. А есть нечестные. «СД-ромы»... Так вот, он тебе звонит и сооб-щает, что у него сломался этот самый «СД-ром», и поэтому он придет к тебе не в девять, а в двенадцать... Понимаешь, надо срочно починить. Ты ему доверяешь, а потом это повторяется. И вот, не стерпев, ты отправляешься в холодную погоду к этому идиоту помочь ему с «СД-ромом» и видишь, что сломалась-то вот та самая крашенная корова, которая к тому же заявляет тебе, что ты подурнела со времени вашей последней встречи...

– Ты?! – возмутилась Ритка. – Подурнела?

– Ну да. Я, – скромно потупилась я.

– Да она просто клеветница какая-то!

– Вот и я так думаю...

– Так у тебя тоже проблема?

– Сама дура, – вздохнула я. – Когда я стану наконец законченной стервой, я поумнею.

– Тань, может, не надо? – просительно протянула Ритка. – Зачем тебе стервой становиться?

– Надо, – вынесла я себе приговор, прикинув, что становиться стервой мне все же неинтересно. Но жизнь заставляет. – Давай-ка вернемся к твоему барану. Как он пропал?

– Просто, – пожала Ритка плечами. – Он должен был появиться четыре дня назад. У него сейчас странная работа какая-то. Командировка... Да не было этих командировок у него никогда! Он вообще непонятно чем занимается! То ли в мафии какой-то советник, то ли наркотиками торгует...

– Господи, как же ты с ним связалась? – ужаснулась я.

– Я же точно не знаю. Просто он никуда не ходит – только утром и вечером, а деньги у него всегда есть. Ну, сама подумай, куда можно ходить утром и вечером?

– В церковь, – необдуманно брякнула я.

– Ага, в церковь. У нас что, за посещение церкви деньги уже платить начали?

– Нет, если он не священник...

– Он? – Ритка поперхнулась. – Он – священник? Ты его видела?

– Нет, – призналась я.

– Поэтому ты и говоришь такую нелепицу. Он же всех прихожан распугает...

Да уж, ничего себе парнишку выбрала Ритка...

– А ты его спрашивала, где он работает?

– Он не отвечал. Смеялся и говорил, что работает на ФСБ. Но я же знаю, что это не так. А теперь я уверена – он работал на мафию...

– Ладно, – решила я. Под действием пива в голове пропали остатки ясности, уступив место повышенной филантропии, которая всю жизнь плачевно заканчивалась для меня. – Поехали к нему, и сами все спросим.

– Его нет, – пожала она плечами. – Ой, Таня, а вдруг...

Она застыла, уставившись в угол такими глазами, что я подумала, будто там ей привиделся призрак утраченного Эдика.

Я посмотрела туда же, но не увидела ничего, кроме книжного шкафа, переполненного сочинениями классиков вперемежку с творениями Джеки Коллинз. Эдика там не было – ни во плоти, ни в астрале. Я бы такую личность приметил.

– Что? – шепотом спросила я Ритку.

– А? – очнулась она. – Ах, ну конечно... Я боюсь, что в квартире лежит его труп. И заходить туда одна ни за что не рискну. Поэтому я тебе и позвонила.

Интересная все-таки Ритка! Надо же было вспомнить обо мне именно тогда, когда у нее назрела необходимость увидеть чей-то труп! Если у нее проклятие – потеря возлюбленных, то у меня карма покруче. Я должна постоянно любоваться на трупы, и уж, если бы меня спросили, предпочла бы постоянно терять возлюбленных. Это куда приятнее, можете мне поверить.

Перспектива пойти полюбоваться вместе с Риткой на труп ее мафиозного Эдика меня не вдохновляла. Я почувствовала острое желание немедленно исчезнуть и появиться только тогда, когда Ритка найдет свою потерю и пригласит меня с ним чайку попить. Но я прекрасно понимала, что без меня Ритка в квартиру не войдет, а значит, будет думать про Эдикиев труп ежесекундно, отравляя существование и себе, и ближним. Поэтому я вздохнула и поднялась.

– Ну ладно. Пошли посмотреть на твоего мафиозного Эдика.

– Правда? – она не поверила своему счастью. – Ой, Танечка... Как же это с твоей стороны мило...

Она вскочила и начала лихорадочно собираться.

– Только туда ехать на двух трамваях и одном автобусе, – предупредила она меня.

– Я на машине, – сообщила я, радуясь, что моя «девяточка» со мной. Но как я обрадовалась этому, стоило только Ритке объявить, куда мы едем!

– Он живет в Комсомольском поселке.

Да уж, кисло подумала я. Везет мне сегодня, как утопленнице на солнце...

Единственное, что меня успокаивало, это то, что после обнаружения Эдика я буду свободна, а следовательно, счастлива. Иногда я начинаю понимать Экклезиаста, сообщившего, что многознание умножает печаль.

Ох, и печальны мы были бы, кабы знали наперед, что наши мытарства еще только начнутся!

* * *

Выйдя к машине, я остановилась. Ох, черт! Ехать надо в Комсомольский, пиво в крови бродит, не приведи господь, по дороге менты... И как я буду выкручиваться?

Я задумалась. Останавливать мотор и просить нас отвезти в такую даль – иллюзия почище светлого будущего... Нет уж, придется рисковать. Я засунула в рот таблетку «Ментос» – хоть и отравка, а вещь полезная. Дальше оставалось полагаться на удачу. Оглянувшись и увидев выходящую из подъезда Ритку, я подумала, что рассчитывать на удачу в ее обществе тоже глупо, но ничего другого не остается.

В конце концов, и не из таких ситуаций выходили...

Я села в машину, Ритка плюхнулась рядом, стараясь выглядеть счастливой и беззаботной. Давалось ей это с трудом, и вообще непонятно, как ей удалось закончить театральный. Не иначе как красота неземная помогла... Слава богу, что она не решилась играть на сцене. Во-первых, театр на сто процентов бы погорел, вздумай Ритка стать там примой. А во-вторых, ей можно было играть только немые роли. Или горничных с подносом.

Сейчас она сидела, вытаращив свои и без того огромные глаза, сжав губы и улыбаясь, как призрак. Во всяком случае, у меня от ее улыбки забегали по спине мурашки, и я поспешила отвернуться, чтобы побереечь нервы.

– Поехали? – спросила я ее, старательно избегая встречи с ее обезумевшими глазами.

– Да, – голосом, исполненным слез, проговорила моя незадачливая подруга.

И мы рванули вперед, стараясь не превышать скорости, дабы не привлекать к себе внимания щедро расставленных повсюду гибэдэдэшников.

* * *

К моему удивлению, мы доехали без приключений и даже не вляпались в пробку. Проехали цивилизованную часть города, и, когда навстречу машине уныло потянулись серые и невзрачные здания, спрятанные за густой дымкой смога, сразу стало понятно, что мы попали в замечательный Комсомольский.

– Просто как из Швейцарии в Советский Союз приехали, – вздохнула я, оглядывая убогую местность.

Мы вырулили прямо к высотному зданию с гордым воззванием к пролетариям на фасаде и остановились.

– Пошли?

Я открыла дверцу и поняла, что мой вопрос повис в воздухе.

Так. Молчанье было ей ответом... Я обернулась.

Ритка вжалась в кресло и смотрела на меня глазами, полными ужаса и тоски.

– Так мы идем? – начиная терять терпение, спросила я.

Она жалобно простонала, глядя мимо меня:

– Таня, может быть, я тебя тут подожду? Нет, правда... Ключ я тебе дам.

Я смерила ее взглядом, которым хотела показать всю глубину своего непонимания.

– Как это?

– Я боюсь...

Ее голос прозвучал еле слышно. Как вздох насмерть испуганного и потому умирающего лебедя.

– Чего? – спросила я безжалостно.

– Ну, я боюсь, что мы там найдем Эдика...

– Так какого черта? – взревела я. – Кого мы ищем-то? Наоборот – найдем твоего Эдика, какая радость! Мир вокруг нас окрасится самыми яркими тонами, мы постигнем истину и возрадуемся! Мы разве не Эдика ищем?

– Эдика, – призналась Ритка.

– Тогда в чем дело?

– Мы можем найти его неживым, – прошептала моя подруга, тараща на меня свои фарфоровые очи.

Ну теперь мне все стало понятно. Труп Эдика ждал только меня. Ритка в его планы не входила. Она, коварная, решила предоставить мне честь обнаружить бывшего возлюбленного.

– Слушай, Ритка, чего ты боишься? Может, ты его и «пришила»? И все подстроила?

Она замотала головой:

– Таня, если я найду этот труп, я точно сойду с ума. Все мои несчастья обвалятся на мою голову, припомнятся до мелочей, я не смогу этого выдержать!

В ее голосе было столько неподдельного отчаяния, что я смирилась.

– Ладно, – обреченно вздохнула я. – Давай ключи.

Она протянула мне смешного гномика на цепочке, я сжала брелок с ключами в руках и шагнула в подъезд, почти сбив по дороге старушку, которая мирно направлялась в свою обитель.

* * *

Обогнав старушку, я, прыгая через две ступеньки, довольно быстро поднялась на третий этаж и остановилась перед квартирой с красивым номером 50.

«Да уж, – пошутила я про себя, – нехорошая квартирка, вот из одной такой, помнится, люди пропадали...»

Но на всякий случай, перед тем как войти с помощью выданного мне ключа, я позвонила.

Дверь хранила загадочное и тоскливое молчание. Снизу слышались грузные шаги и тяжелое дыхание, мне надо было поторапливаться. Я уже вставила ключ в замочную скважину и собралась повернуть его, как за моей спиной послышался голос:

– Чья будешь?

Я вздрогнула. Так как я совершенно не представляла себе, чья же я буду, и голос к тому же был явно неодобрительный и суровый, я сжалась и напряглась. Повернувшись, увидела ту самую старушку, которую чуть не сбила при входе в подъезд. Она смотрела на меня взглядом неподкупной чекистки на отдыхе и ждала немедленного ответа.

– Я к Эдику, – обаятельно улыбнулась я. – Вы не знаете, он дома?

– Если к Эдику, чего со своим ключом в его дверь лезешь?

Я постаралась придать голосу нотки доверительности:

– Понимаете, Эдик оставил мне свой ключ и просил следить за квартирой, если он уедет. Но он не позвонил... И вот я решила зайти, проверить...

Боже, какую чушь я несу, с ужасом подумала я. Иванова, твой экспромт явно отдает наивной попыткой школьницы оправдаться, почему она курит в кабинете с учителем физики.

Но бабка осмотрела меня и удовлетворенно кивнула.

– Я Эдика не видела уже давно. Дня три. Значит, уехал. И монахи давно не приходили...

– Монахи? – переспросила я. Что еще за монахи такие?

– А ты разве не из монахов? – спросила меня бабка.

– Нет, – подумав, ответила я. Все-таки я никак не могу отнести себя к числу монахов.

Бабка была явно разочарована и сказала:

– Значит, Эдик тебе свою квартиру препоручил... И куда ж он собирался?

– Он мне не сказал...

– Ох, тайны сплошные, – горестно сказала бабка. – Раньше был нормальный... Парень как парень. И что у него в голове случилось? Хорошо, мать не дожидая...

Словоохотливая старушка явно была не прочь пообщаться со мной на темы Эдиковой испорченности, но пока я не видела в этом смысла. Вполне вероятно, что испорченный Эдик сидит сейчас где-нибудь на дачке у одного из «монахов» и, распивая с ним пиво и портвейн, радуется жизни.

Поэтому я вежливо кивнула и, подумав о ожидающей меня Ритке, постаралась закончить беседу.

Открыв дверь, я постояла на пороге, дожидаясь, пока любопытная соседка покинет свой наблюдательный пункт или хотя бы перейдет в укрытие, из которого можно продолжать наблюдение, не так назойливо сверля меня взглядом.

В нос ударил запах затхлости. Полутемный коридор встретил меня неприветливо.

Я шагнула внутрь, осторожно позвав:

– Эдик!

Ответа не было. Но запах стоял омерзительный. Неужели и правда – труп?

Я прошла дальше.

Комната была пустой, и на столике стояла пепельница, доверху наполненная окурками. Чашка с пятнами от кофе почему-то валялась на полу. На ковре явно виднелись пятна... бурые, наверное, от выплеснувшегося кофе.

Я наклонилась, пытаюсь определить, права ли я.

Сердце мое учащенно забилося. Я поднялась и прижала к горлу ладонь, пытаюсь подавить приступ тошноты.

Кровь...

Танечка, это не кофе! Это – кровь.

Мне совершенно не хотелось идти дальше. В конце концов, если тут трупы, пусть их и находит сама Ритка. Мне это не нужно совершенно. Я прекрасно жила и без Эдика, и без...

«Кончай истерику, – холодно произнес голос моей „alter ego“. – От твоих стонов ничего не изменится, а у Ритки будет инфаркт».

В конце концов, детектив ты или?..

Я шагнула во вторую комнату, вознося господа молитвы, чтобы там было все спокойно, и Эдика я бы там не встретила.

Вторая комната оказалась спальней.

Ну и разгромчик тут был, скажу я вам!

Простыни, смятые, как половые тряпки, валялись на полу. Одеяло спустилось с кровати. Да, на простынях тоже были эти гадкие пятна. Но труп, слава тебе, господи, не было.

– Ну и что все это означает? – тихо спросила я, поднимая с пола окурки сигареты.

«Если бы я была Эркюлем Пуаро, я бы сейчас быстренько все определила. Кто курил, сколько лет, какие волосы, и так далее. Но, – уныло призналась я, – я не Эркюль. Я всего лишь скромная девушка Таня. И ничего я вам не соображу. Кто тут был, кто разбрасывал простыни, и почему тут все так изгажено пятнами крови...»

Я бросила окурки назад.

Надо было спускаться. К Ритке. С неутешительными сведениями о том, что нет ни Эдика, ни его трупа. Ничего вообще тут нет. Кроме ужасающего беспорядка и пятен бурого цвета.

И можете посчитать меня идиоткой, но я ничего в этой истории пока не понимаю!

Глава 3

Ритка ждала меня, с явным нетерпением выглядывая из машины.

– Ну что там? – выпрыгнула она мне навстречу.

Я пожалала плечами. Ну что я могла ей сказать?

– Эдик там?

– Нет, – ответила я. – Его нет. Ни в живом виде, ни в мертвом.

Про бурные пятна я решила промолчать. Зная натуру Ритки, можно было легко предположить, что по бурным пятнам она восстановит ужасающую картину произошедшей в Эдиковой квартире трагедии. А успокаивать ее придется мне. А при такой адской головной боли я подобной нагрузки просто не выдержала бы.

– Но мне встретилась соседка, которая сообщила, что Эдик общался с какими-то людьми, которых она сочла монахами. Ты случайно не знаешь, что это еще за фрукты такие?

– Монахи? – Ритка почему-то испугалась. Глазищи у нее округлились, и она сжала руки.

– Сдается мне, ты о них что-то знаешь, – пробормотала я.

Но она меня не слышала, продолжая всматриваться безумными глазами куда-то в даль. Буквально потонула в своих мыслях об этих гражданах, не желая выныривать на поверхность моего к ним интереса.

– Монахи... – пробормотала она, глядя перед собой с таким остервенением, что я бы не позавидовала монаху, рискнувшему появиться в поле ее зрения.

Почему-то монах мне самой привиделся, но ужасно странный, в красных штанах.

– Так что это за монахи? – рискнула я привлечь ее внимание. Она вздрогнула, выходя из своего трансцендентального состояния, и уставилась на меня с удивлением.

– Какие еще монахи?

На ее лице было полнейшее недоумение.

– Соседка. Она сказала, что Эдик общался со странными монахами. Ты ничего об этом не знаешь? – терпеливо попробовала настоять на своем я.

– Это кто тебе такую чушь сказал? Старуха Козленко?

– Не знаю, как ее там по имени, но старуха она точно, – подтвердила я.

Ритка зловеще расхохоталась и трагически произнесла:

– Она психически ненормальная. Эдик ни с какими монахами не общался. С какой стати его бы вдруг на них потянуло? Он и в церковь-то не ходил... Так что не мог он с монахами общаться. Особенно при мне.

– Почему при тебе особенно? – прицепилась я к слову.

– Потому что...

Она задумалась, пытаясь понять сама, почему.

– Ты что, не переносишь монахов? У тебя на них аллергия, что ли?

– Нет, – поморщилась она. – Я к ним вообще нормально отношусь. Просто он не общался ни с какими монахами, я это точно знаю.

– Тогда чего ты так испугалась сначала?

Она растерянно уставилась на меня и почесала лоб.

– Не помню, – честно призналась она.

– У тебя провалы в памяти?

– Ага. Провалы. Ах, да... Ну конечно!

Она явно обрадовалась чему-то.

– Понимаешь, – начала она после недолгого молчания, – я просто подумала, монахи – мафия... Они же все в черном. Может, старуха перепутала? И мафиозники показались ей монахами?

Да уж. Ничего себе сравненьице...

– Ты это серьезно? – поинтересовалась я.

– А что?

– Ничего. Просто как ты это представляешь – спутать монаха с мафиози? У них что, выражение лиц одинаково?

– Нет. Одежда...

Я захохотала.

– Ритка, – взмолилась я сквозь слезы, – прекрати меня смешить в трагическую минуту! Ну ты что, никогда амбалов из мафии не видела? С какого ляда они в рясы наряжаются? И цепи золотые на груди повесят... Надо будет показать тебе парочку, чтобы ты перестала их с монахами путать!

– Это не я путаю. Это старуха Козленко путает, – обиделась Ритка.

Я тронула с места. Все равно ничего выяснить не удастся.

– Заедем к Мельникову, – предложила я. – Если ты так беспокоишься о своем драгоценном Эдике, давай оформим заявление, и его бросятся разыскивать.

– Нет! – истерически завопила Ритка, вынудив меня выписать на асфальте новый замысловатый вираж. Может, мне уже пора заменить Даймона Хилла? Похоже, что именно у меня есть шанс наконец-то вывести из строя ненавистного Шумахера. Вот только подсажу в его болид Ритку, а впереди запущу парочку бегущих монахов. Точно с трассы съедет!

– Тогда чего ты хочешь? – не выдержала я.

– Ничего. Просто мы к нему приезжали – его нет. Давай подождем еще дня два?

Ну и наивное дитя моя Ритка!

– Ладно, – согласилась я. – Давай. Только не лезь на стенку.

– Не буду, – пообещала она. А я сделала вид, что ей поверила.

* * *

Я отвезла Ритку домой. В общем-то, еще в тот момент, когда она выходила из машины, я почувствовала, что зря я это сделала.

Уж больно она была поникшая. И шла в свою квартиру с таким видом, будто это не квартира, а неплохо оборудованная камера пыток.

В этот момент мое милосердие превысило пределы допустимого. Почувствовав, что я просто не могу смотреть на эти опущенные плечи и ноги, передвигающиеся по тротуару со скоростью лапок черепахи, напившейся пива, я выскочила из машины и крикнула:

– Ритка!

Она вздрогнула и остановилась, боясь обернуться. Ее спина излучала столько надежды, что я едва не заплакала. Ну что я, в самом-то деле? Сколько напастей может пережить один человек? Ритка же хороший человечек, просто вот такая нескладная...

– Рита. – Я догнала ее и схватила за руку. – Я придумала одну вещь. Не знаю, согласишься ли ты. Но... Мне сейчас совсем не в кайф оставаться одной. И тебе, насколько я понимаю, тоже.

Она закивала головой, ее глаза излучали целые потоки щенячьей благодарности. Я даже почувствовала себя самой доброй самаритянкой из всех подобных дам на свете.

– Поехали ко мне, – предложила я без долгих разговоров. Ритка, все еще боявшаяся поверить в собственную удачу, попробовала убедить меня:

– Но это же неудобно... Вдруг придет твой «СД-ром»?

– Ну вот и хорошо, – мстительно улыбнулась я. – Как придет, так и уйдет. Пешком и вдалеке... Мне сейчас не до этой шантажистки...

Ритка рассмеялась и вдруг порывисто, как ребенок, обняла меня за шею, прошептав прямо в ухо:

– Спасибо...

* * *

Когда мы приехали, уже начинало темнеть. Моя квартира пребывала в сумрачном расположении духа, и я, дабы улучшить его, включила свет.

– Ну вот мы и дома...

Я прошла на кухню, поставила чайник и вернулась в комнату, где Ритка заняла стратегическую позицию на моем «сексодроме» и уже включила телевизор.

– Это ничего? – робко спросила она меня, оглянувшись. – Без него как-то одиноко и страшно...

– Чушь какая! – ответила я. – Мне иногда с ним страшнее. Я расслаблюсь, начну думать о чем-нибудь веселом, как вдруг на экране появляется говорящая голова и начинает отравлять мое существование идиотскими сообщениями! Они меня и так чуть до инфаркта не довели, пугая третьей мировой войной! Чтобы смотреть телевизор, надо или иметь железные нервы, или затариваться большим флаконом валерьянки!

– Но сейчас они поют...

Я посмотрела. Действительно. Они пели. И, хотя это было еще страшнее, чем новости, я решила не допекать мою несчастную подругу. Пусть слушает этих «ветер-с-моря-дур», если ей хочется.

– Я займусь кофе, – объявила я. – Побудешь одна?

– Конечно. Я же не маленькая!

Прихватив с собой телефонный аппарат и кисет с «костями», я отчалила в сторону кухни и, включив там магнитофон, начала приходить в себя под звуки голоса Леонарда Коэна. После наших «попсовушек» Коэн звучал просто замечательно. По коже забегали сладкие мурашки, говорящие о том, что интеллектуальное наслаждение иногда может переходить в физическое. Как под легкие стаккато пальцев Эрла Гарднера... Ну почему люди не могут любить только хорошую музыку, с тоской подумала я. Тогда на экране не возникали бы крашенные блондинки из породы «СД-ромов», отравляя мое существование попытками косить под невинных восьмиклассниц!

Первым делом я проверила автоответчик. Гнусный голос продолжал взывать ко мне: «Таня! Милый маленький Танчик! Солнышко! Я тебя люблю!»

– Ха! – мрачно усмехнулась я в ответ. – Я игнорирую ваши лживые заверения! Я даже не снизойду к ним, и не просите... Во всяком случае, в воспитательных целях в ближайшее время вам придется гладить эти ужасные крашенные лохмы, смотреть на без времени состарившееся от передозировки косметики лицо и слушать речи, лишенные признаков интеллекта... Не знаю, сэр, чем же вы станете заниматься с ней, когда вам прискучит элементарный животный секс, но, может быть, вы научите ее читать? И говорить членораздельно?

Дальше был странный звонок. Мне ничего не сказали, просто подождали, поняли, что меня нет дома, и повесили трубку. Потом опять возник назойливый голос, требующий немедленной встречи и возможности искупить страшную вину.

– Интересно, что же у тебя потребовать? – злоеце сказала я. – Разве что скальп твоей подруги... Я украшу им прихожую и буду показывать всем, как охотник рога оленя.

Опять робкий звонок. Могли бы сообщить, что им все-таки нужно...

После того, как я досыта наслушалась объяснений в любви от моего неверного возлюбленного, я отключила автоответчик. Мстительно подумав: если бы мой Стас пропал, как Эдик, я бы... А, не ври. Бросилась бы ты его разыскивать и трепетала бы, найдя на ковре бурые пятна! И забыла бы враз, какой он коварный тип. Так уж все мы устроены, люди – человеки, милорды и миледи, и ничего тут не попишешь!

Заглянув в комнату, я увидела, что Ритка заснула под трепетные звуки отечественных шедевров эстрады, и, решив пока ее не трогать, вернулась к своему Коэну, налила кофе и задумчиво уставилась в окно.

Конечно, история была с душком. Успокаивать Ритку – это одно дело, но врать себе я не хотела. Пятна на ковре – это вам не игрушки. И вся история с «монахами-мафиозниками» мне тоже не нравилась.

Надо будет все-таки вернуться к старухе Козленко и попытаться выведать у нее побольше об этих «монахах».

Значит, он ходил утром и вечером неизвестно куда, потом у него появлялись деньги... Монахи... Опять выплыли и плавают – то туда, то сюда... Все в красных штанах и черных шляпах... Католические какие-то монахи получают... Я встряхнулась. Сон начинал меня побеждать, а засыпать с нерешенной проблемой – значит напрашиваться на ночные кошмары. Будут всю ночь сниться монахи, уносящие Эдика черт знает куда – в неземное пространство!

Я достала из кисета «кости», задумчиво покатила их на ладони...

– Как вы думаете, друзья, что это за средневековые истории? Надеюсь, они не окажутся такими же скучными, как «Тайна Удольфского замка» Анны Рэдклиф? И я не закрою эту книгу почти сразу, не дочитав ее до половины?

Они задумчиво покатались по ровной плоскости стола, обдумывая мой вопрос.

«32+7+13». «Хотите стать обладателем большой суммы денег, дерзайте, и вы достигнете цели!»

Сначала я восприняла это как совет. В каком смысле мне дерзать, правда, мне не объяснили.

– Так, – протянула я. – Не надо намекать мне на алчность. Если вы мне покажете того, кто не мечтает о приличной сумме денег, я вам все равно не поверю... Сейчас все об этом мечтают...

Стоп! Я остановилась, глядя на «кости». Совет?

Я полная «ветер-с-моря»... Да не совет это! Ответ, Таня! Уйми в башке ветер романтических отношений и взгляни!

«Большая сумма денег». Кто-то хотел стать их обладателем. И – дерзнул...

А дальше – появились загадочные навороты.

Я катнула «кости» второй раз, поинтересовавшись:

– Он жив или уже отошел в область призраков?

«32+2+13». «Вам грозит потеря возлюбленного».

Сначала перед моими глазами заиграл калейдоскоп кошмарных видений, в которых несчастного Стаса сбивала машина, в него стреляли бандиты и прочие «надомные» киллеры, но потом я поняла – у «костей» нет имен. Спрашивала я о Эдике. Значит, это Ритке грозит потеря возлюбленного... Но пока он жив. Я, во всяком случае, так поняла...

Кстати, стукнула я в сердцах кулаком по столу, Стаса мы, кажется, из списка возлюбленных вычеркнули... Так что он тут вообще ни при чем.

Итак, Эдик. Потеря намечается у Ритки. Что же у нее за судьба такая несчастная – терять своих возлюбленных? Нельзя этого допустить, Таня!

Нет, надо отправлять ее к Мельникову, решила я, в задумчивости отхлебнув такой глоток кофе, что тут же закашлялась... Черт, кажется, я обожгла небо.

Мой лучший друг всех времен и народов Мельников работал оперативником, но знакомых в отделе розыска у него была целая толпа, и пристроить Эдика в качестве «срочно разыскиваемого» он сможет. Да и совет даст Ритке...

Я понимала, что в конечном итоге заниматься Эдиковой пропажей придется все равно мне, ибо «рука господа, если уж избрала тебя, то тебе и мучения принимать», но отодвигала это от себя пока по мере возможностей.

Глупости. Все равно от этой проблемы тебе никуда не деться, она встанет перед тобой как «вещая каурка». Танечка, если бы ты знала, что за американские горки ждут тебя на следующее утро, ты спала бы куда безмятежней...

Глава 4

Монах был одет в черный костюм и шляпу. Его маленькие глазки сверлили меня насквозь, а его мясистый перст уперся прямо мне в грудь.

– Чего вы меня пугаете? – спросила я, будучи не в силах оторвать глаз от этого толстого пальца с аккуратно подстриженным ногтем. – И вообще не понятно, как вы оказались в моем сне... Мне сдается даже, что вы вовсе не монах, а адепт Сатаны...

Он расхохотался, как истерик на выгуле.

Я даже испугалась, что ему плохо, а «Скорая» в сны не приезжает. И что я с ним буду делать?

Но он внезапно успокоился и зловеще прошептал:

– Не лезь в мои дела.

Ох, как я разозлилась! Он меня еще и пугать будет, жиртрест недоделанный!

– А если полезу? – не без ехидства осведомилась я. – Пристрелите вашим жирным пальцем?

Он усмехнулся, засунул свой палец в рот и пальнул. Его голова разлетелась на мелкие кусочки, но на месте старой головы выросла новая, похожая на обрубок полена, и эта голова, еще безглазая и безногая, шевельнула противным отверстием, изображающим рот, и запищала:

– Нет ничего невозможного для человека с интеллектом!

Ах, гад! Это ж он мои «кости» цитирует, подумала я, чувствуя, как в груди закипает бешенство.

– Вали из моего сна! – заорала я.

– Нас ждут бо-о-о-льшие приключения, – запел он голосом мультяшного Пинокио. – Приключения, приключения...

Он так пищал, что я, слава богу, проснулась. И с удивлением услышала, как этот противенький голосок продолжает распевать из комнаты про приключения, которые нас ждут. Моя голова болела от неудобного положения – потому что я заснула, положив ее на стол. Возмущенная такой отвратительной халатностью, моя голова, которой я обязана нормальной и безбедной жизнью, теперь требовала повышенного внимания к себе. Я достала таблетку спазмалгона и, запив ее минералкой, налила себе кофе.

Кофе оказался холодным, но приятно прочистил голову от остатков нездорового сна.

– Что за кретинские сны мне снились? – спросила я стену, поскольку Ритка почему-то на кухне не появлялась. Да и вряд ли она могла бы мне ответить на мой вопрос...

Стена тоже промолчала. Сообразив, что способностей говорить моя стена еще не обрела и – слава богу! – не собирается, я встала и прошла в комнату.

Ритки не было. Вместо нее на столике лежала записка, что она мне безумно благодарна, но не может больше обременять своими проблемами.

– Ну и ладно, – пробурчала я обиженно. Могла хотя бы дожидаться, когда я проснусь...

В кухне начал надрываться телефон, требуя к себе внимания.

Настроение у меня было прямо как у бедолаги, сброшенного в депрессию, как в помойную яму, и бороться с ней я не имела никаких сил...

Поэтому я мрачно вздохнула, прошла на кухню, сняла трубку и произнесла озверело:

– Аллю.

* * *

Собственно, ничего хорошего я от своего телефона не ждала. Но отвыкнуть от дурной привычки брать трубку никак не могла. Хотя... Ладно, подумала я, вслушиваясь в загадочную тишину, если это ты, моя драгоценность, можешь помолчать еще немножко. Я понаслаждаюсь твоей робостью, а потом...

Что я скажу потом, я еще не знала, искренне надеясь на свою способность к экспромтам.

– Извините, не могли бы вы пригласить к телефону Татьяну Иванову?

Разочарование легким крылом коснулось моего разгоряченного духа. Не он. Увы...

– Я вас слушаю, – стараясь быть любезной, отозвалась я.

Голос был мужской и очень приятный. Но звонивший не относился к категории смельчаков. Он замялся и наконец проговорил неуверенно:

– Меня зовут Леонид Иванович. Я нуждаюсь в вашей помощи, Таня.

В его тоне я уловила отчаяние. Так. Господь послал клиента... Явно, судя по голосу, интеллигентного, и опять щепетильная Таня будет чувствовать себя неловко, называя сумму гонорара...

– Простите, у вас не найдется времени выслушать меня?

– Найдется, – вздохнула я.

– Но разговор не телефонный...

– Догадываюсь, – согласилась я. Обычно моя клиентура и не собиралась открывать свои тайны, используя телефон. – Подъезжайте ко мне где-то через час. Вас устроит?

– Конечно, – обрадовался он.

Я продиктовала свой адрес. Повесив трубку, закурила и опять подняла ее, набирая номер Ритки. Все-таки надо выяснить, куда она так срочно исчезла.

Риткин телефон не отвечал.

– Все чудесатее и чудесатее, – пробормотала я.

Решив, что позвоню ей попозже, я навела в комнате относительный порядок и посмотрела на часы.

Было уже одиннадцать утра. Час, данный мне на размышления, истек. Пунктуальность Леонида Ивановича меня потрясла.

В назначенное время, ровно минута в минуту, он позвонил в мою дверь.

* * *

Посетитель оказался совершенно не таким, каким я его себе представляла. На пороге стоял отнюдь не бедный профессор, а вполне респектабельный мужчина, благоухающий дорожным «Ван мен шоу», и одет он был, как минимум, в магазине «Паритет». Правда, все они, мои богатенькие «буратины», благодаря привязанности к этому бутику казались мне до смешного похожими, но я же не собиралась крутить романы с этими близнецами. Меня цинично заботило содержание их кошельков, такова проза жизни.

– Таня? – спросил он, явно удивленно.

Интересно, почему они всегда удивляются при виде меня? Наверное, по устоявшемуся мнению, полагают, что умственным трудом занимаются исключительно те женщины, которым просто больше нечем заняться. То есть – страшненькие и старенькие.

– Да, – кивнула я. – А вы – Леонид Иванович?

Он протянул мне руку, чуть замешкавшись. Я поняла, что он хотел сначала мне руку поцеловать, но засомневался – не отношусь ли я к партии феминисток, которые за поцелуй

руки бьют по физиономии. Я была из числа умеренных, поэтому милостиво позволила ему коснуться моей ручки своими губами.

Кстати, поймав его взгляд, я поверила ему, что проблемка у него – еще та... Так смотрят люди отчаявшиеся, за которыми стоит настоящее, непридуманное горе.

Я пригласила его в комнату, усадила в кресло и предложила кофе. Он отказался.

– Тогда рассказывайте, что у вас за беда, – проговорила я, – только не обещаю, что возьмусь за ваше дело.

– Я надеюсь на вас, Таня. Мне больше не на кого надеяться!

В его голосе прозвучало отчаяние. Опять. Что же за навороты в судьбе у этого благополучного джентльмена?

Он сидел, не решаясь начать. И смотрел в пол. Его большие руки с ухоженными пальцами сжались в кулаки.

– Таня, мой сын пропал, – наконец проговорил он, поднимая на меня свои беззащитные перед болью глаза. – И найти его сможете только вы. Если верить тому, что про вас рассказывают, – а я верю, – вы способны на чудеса. Я не знаю, куда он исчез. Я даже не могу поручиться, что он сейчас еще жив. Но – Таня, я умоляю вас, – попробуйте найти моего мальчика!

* * *

Что-то вокруг меня все пропадают, мрачно подумалось мне. Надо же, какое совпадение! Сначала пропадает мой друг, впрочем, это не в счет! Он пропал в известном месте и при известных обстоятельствах, так что его вычеркиваем. Потом пропал Риткин Эдик. Его унесли монахи. Затем из моей квартиры исчезла Ритка. Теперь пропал сын этого человека. Осталось пропасть мне. И я не удивлюсь, если...

– В этом исчезновении тоже замешаны монахи, – мрачно пробурчала я.

– Как?! Вы знаете?..

Я подпрыгнула и вытаращилась на моего гостя. Он, в свою очередь, ошарашенно смотрел на меня.

– Что? – облизнув губы, спросила я.

– Вы знаете про монахов? – переспросил он.

О, нет! Если начнут сбываться мои кретинские сны, лучше сразу выпишите мне катафалк! Яду мне, яду!

– Ничего я не знаю. Просто к слову пришлось, – проговорила я. – А что, вашего сына в последний раз видели в обществе монахов?

– Нет, – покачал он головой. – Но он собирался в монастырь...

– Тогда, может быть, он уже там? – обрадовалась я. – Вы его там не искали?

– Искал. Его там нет.

Надежда растаяла в воздухе.

– Тогда при чем тут монахи? – спросила я.

– Хорошо. Я расскажу вам все с самого начала.

Он кашлянул, собираясь с мыслями. Я терпеливо ждала, мимоходом подумав: почему никто еще не решил начать излагать мне свою проблему с конца. Это было бы куда интереснее. И конструктивнее...

– Мой сын Дима хороший мальчик... Последнее время был занят бизнесом – даже открыл свою фирму. Я ему, конечно, поспособствовал, но он, Таня, и сам парнишка умный... Торговал картриджами с игрушками для «Денди» и «Супернintenдо», и дела шли нормально, пока...

Он вздохнул.

– Можно, я закурю? – спросил он меня. Я кивнула.

– Так вот, – продолжал он, затягиваясь. – Пока он не познакомился с Екатериной. Она-то его и сбила с панталыку.

– С чего? – переспросила я.

– С пути, – скривился он. Екатерина явно была ему не по душе. – Она затащила его в церковь. И понеслось... Посты, раздача денег малоимущим, в конце концов допрыгались до того, что продавать cartridges перестал – дело, мол, богомерзкое. Работать он бросил. Катерина тоже начала сомневаться, правильно ли она поступила, когда потащила его с собой.

– Подождите, – попросила я. – Эта ваша Екатерина – сектантка?

– Нет. Она при церкви. Поет в хоре.

– Так. Значит, именно там он у вас и пропал?

– Опять же нет. Он решил уйти в монастырь и отправился посоветоваться со старцем. Ну, этот, знаете – в Троице-Сергиевой лавре... Вернулся сын совершенно другим человеком – мрачный, задумчивый. Начал говорить, что скоро наступит конец света и спастись можно только в одном месте... У старца. А в церкви бесчинство и грязь... Вот тут сын бросил Екатерину и исчез.

Так. Ничего себе – вляпываюсь я по первое число.

– Не могу, – отрезала я. – Не хочу лезть в эти дела. Может быть, ваш парень сейчас счастлив до одурения, а я его брошусь разыскивать...

Мой посетитель изменился в лице. Черт побери, ну как эти люди не понимают, что... Погоди, Таня. Ты что, стала защищать сектантов? Или тут что-то другое?

– Значит, вы не сможете помочь... – пробормотал он. – Простите.

Он поднялся, как-то сгорбившись и разом постарев.

Я посмотрела на его спину. Прямо как у Ритки... Когда она шла к подъезду. Ритка-Дима. Дима-Ритка. Эдик...

– Подождите! – закричала я.

Он остановился. Боясь повернуться, как Ритка.

– Я попробую, – проговорила я, отчаянно ругая себя за мягкотелость.

– Спасибо, – выдохнул он, припадая к моей руке.

* * *

Ах, до чего же я бываю глупой! Особенно когда позволяю своей природной доброте одержать верх над разумом. Правда, сейчас к этим двум понятиям прибавилось еще и любопытство.

Я вернула моего гостя назад, скороговоркой произнесла обычные в таких случаях слова: «Вы можете молчать без присутствия адвоката, но моя такса – двести в сутки, и благословляйте мою доброту, что я еще не требую оплаты в евро, пока я еще использую зеленые, но доллары, говорят, агонизируют...» В общем, он был согласен со всеми моими требованиями, что свидетельствовало о том, что Дима рос в обеспеченной семье и не понятно, почему крезанул... То есть, может быть, именно поэтому он и сошел с ума, но это я проверю при встрече.

Леонид Иванович, весь сплошная благодарность, расточал мне комплименты, утверждая, что я слишком красива для самостоятельной женщины (интересно, почему у него такое мнение? Наверное, ему не везло в жизни, и он встречал только ужасных деловых крыс). Но потом, спохватившись, что неловко налегать на мои физические достоинства, перешел к делу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.